

УДК (94:351.746.1)(470)«1853–1856»Крым

**Пасечников И.А.**

Деятельность органов политической полиции Таврической губернии в годы Крымской (Восточной) войны (1853 – 1856)

Пасечников Игорь Александрович, аспирант кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Крым)

E-mail: info_ingvar@list.ru

Рассматривается организация и деятельность органов политической полиции Таврической губернии в период Крымской войны. Анализируются различные аспекты работы чинов Корпуса жандармов. Предпринята попытка определения роли органов государственной безопасности Российской империи в историческом процессе на территории Крыма и Северной Таврии в указанный период.

Ключевые слова: Крым, Таврическая губерния, политическая полиция, Корпус жандармов, жандармские команды, III Отделение, Крымская война.

В истории России XIX век был ознаменован целой плеядой значимых событий, оказавших ощутимое, а порою и судьбоносное влияние на будущее империи. Поиски эффективных доктрин управления страной, которые бы позволили контролировать не только истинное положение дел в провинциях, но и настроения, царившие в обществе, дали толчок к развитию новых государственных институтов и органов, одним из которых стала политическая (высшая) полиция¹.

Возникший в научной среде с конца 80-х гг. XX в. интерес к изучению истории органов политической полиции Российской империи способствовал появлению ряда работ по данной проблеме, в том числе и на региональном уровне. Однако большинство исследований освещало деятельность дореволюционных спецслужб лишь на этапе пика их борьбы с революционным движением в конце XIX – начале XX вв.². Значительный период становления и развития органов государственной безопасности царской России до сих пор остается малоизученным.

Среди исследователей, обращавшихся к проблеме функционирования Корпуса жандармов непосредственно на территории Таврической губернии, следует выделить В.И. Королёва и В.В. Крестьянникова. Однако в их работах тема деятельности органов политической полиции в XIX в. не освещена, либо затрагивается фрагментарно³. Сложившаяся ситуация объясняется тем, что материалы делопроизводства местной жандармерии за XIX в. в крымских архивах практически не сохранились, так как эти фонды сильно пострадали в годы революций и войн. Поэтому главным источником детального освещения деятельности имперских спецслужб за данный период может служить только изучение фондов смежных ведомств и организаций, а также работа с документами и отчетами Корпуса жандармов в центральных архивах Российской Федерации.

Середина XIX в. является одним из важнейших периодов в истории политической полиции Таврической губернии. Пройдя в 1827–1853 гг. этап своего становления, характеризовавшийся относительной стабильностью, местной жандармерии пришлось столкнуться с настоящим испытанием, каковым для её сотрудников стала разразившаяся война с коалицией могущественных держав.

Основной целью данной работы является освещение организации и функционирования политической полиции Таврической губернии в годы Крымской войны. Задачи, поставленные в работе, – воссоздание структуры и деятельности Корпуса жандармов в Крыму и Северной Таврии, определение его роли в историческом процессе на территории данного региона.

¹ Непомнящий А.А., Севастьянов А.В. Южный фасад империи. Крым во второй половине XIX – начале XX века // История Крыма / Е.Е. Бойцова, А.В. Ганин, А.А. Непомнящий и др. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. С. 248.

² Анисимов Н.Н. Охранные отделения и местные власти России в начале XX в. // Советское государство и право. 1991. № 5. С. 119–125; Вязьмитинов М.Н. Жандармы и армия: политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905–1907 гг. // Военно-исторический журнал. 1995. № 1. С. 89–93; Жухрай В.М. Тайны царской охраны: авантюристы и провокаторы. М.: Политиздат, 1991. 336 с.; Мулукаев Р.С. Политическая полиция дореволюционной России, ее реакционный, антинародный характер. М.: Наука, 1986. 327 с.; Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2000. 416 с.; Щеголев П.Е. Охранники, агенты, палачи. М.: Просвет, 1992. 330 с.; Ярмыш А.Н. Наблюдать неотступно: административно-полицейский аппарат царизма и органы политического сыска в Украине в конце XIX – начале XX вв. К.: Юринформ, 1992. 186 с.

³ Королёв В.И. Действовать энергично и по закону. История политической полиции Крым. Симферополь: Антика, 2007. 196 с.; Он же. Жандармы Крыма. Кто они? // Историческое наследие Крыма. 2007. № 17. С. 56–61; Крестьянников В.В. Органы политического сыска в Севастополе в конце XIX – нач. XX века // Историческое наследие Крыма. 2008. № 21. С. 85–89.

В середине XIX в. структура политической полиции Таврической губернии, входившей в состав V жандармского округа, была представлена следующим образом. В Симферополе располагалось управление губернского штаб-офицера, в состав которого также входил обер-офицер, исполнявший обязанности адъютанта, и 4 нестроевых нижних чинов. Главной задачей данного управления был контроль над деятельностью трех жандармских команд: Симферопольской, Севастопольской и Керченской. Из первых двух каждая состояла из обер-офицера (начальника команды), 4 унтер-офицеров, 24 рядовых и 4 нестроевых чинов (писаря, коновала, кузнеца и денщика). Керченская портовая жандармская команда была наименьшей по численности и включала в себя обер-офицера, 2 унтер-офицеров, 12 рядовых и 4 нестроевых чинов. Общий штат Корпуса жандармов на территории Таврической губернии составлял 91 человек¹.



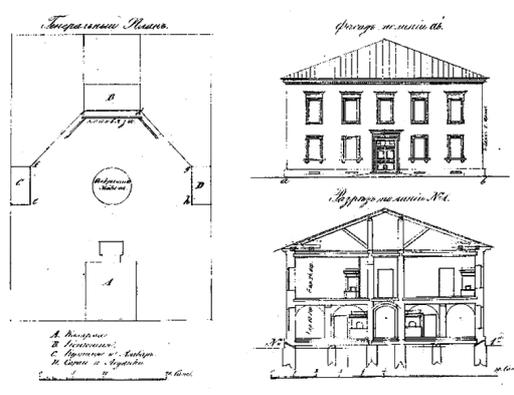
Генерал
Корпуса жандармов
(1827–1845)



Рядовой
жандармских команд
(1836–1845)



Обер-офицер
Корпуса жандармов
(1854–1855)



Проект постройки казармы и канцелярии
жандармской команды в Керчи. 1844 г.

Несмотря на то, что сфера компетенции политической полиции была практически безграничной, реальная деятельность её сотрудников в регионе на протяжении почти всей первой половины XIX в. в большинстве своём сводилась к «понууждению к исполнению законов и приговоров судов». Чины ее посылались на поимку беглых крестьян, задержание беспаспортных лиц, на преследование воров, контрабандистов, «запрещенных скопищ», препровождение важных преступников и арестантов, участие в рекрутских наборах², расследование крупных пожаров и преступлений³. Жандармы присутствовали в качестве временных комендантов на ярмарках (на Никольской в Каховке и Покровской в Симферополе), торжищах, церковных и народных праздниках, гуляньях⁴. Штаб-офицеры обязаны были также осуществлять надзор за местным госаппаратом, докладывать в III Отделение о настроениях в местном обществе⁵.



Князь Алексей Фёдорович
Орлов (1787–1862), генерал
от кавалерии, генерал-адъютант,
главный начальник III
Отделения Собственной
Е. И. В. канцелярии и шеф
жандармов (1844–1856)

Однако подобная стабильность резко прервалась с началом Крымской кампании. Перерастание очередного русско-турецкого конфликта в войну с целой коалицией стран заставили чинов политической полиции губернии активизировать свою деятельность, чтобы не допустить действий враждебного характера и провокаций со стороны противника. Так, в 1853 г. из Петербурга была получена информация о том, что в Лондоне изготовлены и планируются к распространению среди населения южных областей России печатные революционные воззвания, «призывавшие к освобождению крестьян, и наполненные угрозами в мятежном духе». Жандармам предписывалось, в случае обнаружения подобных писем или листовок схожего содержания, изымать их и доставлять лично шефу жандармов графу Алексею Федоровичу Орлову⁶. В связи с этим под негласный надзор «голубых мундиров» попали все проживающие на территории губернии иностранные подданные, а также крымскотатарское население. Особое внимание к последнему объяснялось тем, что с начала лета 1854 г. до сведения губернского штаб-офицера полковника Александра Петровича Щербачева стали доходить слухи о готовящихся мятежах среди татар в случае высадки союзнического десанта на территории Крыма⁷. Соответствующие проверки явных улик не обнаруживали, но констатировали тот факт, что «среди татарского населения происходит брожение умов и некоторые люди втайне сочувствуют враждебной Турции»⁸. В то же время, сильное беспокойство руководства губернии вызвало донесение о возможном переходе на сторону неприятеля Бахчисарайского городского головы и близких к нему лиц и организации ими массового восстания. Эта информация вынудила Таврического гражданского губернатора генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Пестеля сделать распоряжение о создании специальной ко-

¹ Военно-статистическое обозрение Российской империи: в 18 т. Т. 11: 1837. Ч. 2: Таврическая губерния / Сост. Н.Б. Герсеванов. СПб.: Тип. Департамента Генерального Штаба, 1849. С. 270.

² Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 14276. Л. 1.

³ Там же. Д. 10801. Л. 2.

⁴ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 15168. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 15420. Л. 2.

⁶ Там же. Оп. 4. Д. 1382. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 1393. Л. 1.

⁸ Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя: В 3 т. Т. 1.: 1900. СПб.: Тип. тов-ва Общественная польза, 1900. С. 282.

миссии, возглавляемой начальником Севастопольской жандармской команды штабс-капитаном Ильей Ивановичем Сизовым, для подробного расследования данного дела¹. Прибывшим в Бахчисарай членам комиссии никаких следов заговора выявить не удалось, о чём Сизов официально заявил в своем рапорте, сделав в конце вывод, что вся информация основывалась на ложных слухах, не подтверждающихся фактами. Но, несмотря на это, чины политической полиции и в дальнейшем продолжали сохранять строгий надзор за всеми подозрительными лицами².

Высадка англо-франко-турецких войск в Евпатории и поражение русской армии в Альминском сражении привели к панике как среди населения, так и местных властей. Гражданский губернатор В.И. Пестель, считая, что неприятель может вскоре двинуться на Симферополь, принял решение вывезти из города все присутственные места в направлении Мелитополя через Чонгарский мост. Сотрудники политической полиции города вынуждены были резко прерывать свою деятельность, связывать архив канцелярии в пачки и укладывать его вместе с другим имуществом на подводы³. Утром 10 сентября 1854 г. жандармы, полицейские и 60 солдат внутреннего гарнизонного батальона (посланные в качестве конвоиров) выстроились на площади у Александро-Невского собора, а затем по команде выдвинулись из города. Вместе с ними уходило около 10 тысяч жителей на 2500 повозках и телегах. К счастью, это поспешное бегство продолжалось недолго. Уже через несколько часов обоз догнал нарочный с приказом от главнокомандующего сухопутными и морскими силами в Крыму (1854–1855) князя А.С. Меншикова о том, чтобы все присутственные места оставались в Симферополе. Лишь поздним вечером того же дня Симферопольская жандармская команда и управление штаб-офицера вернулись в город, чтобы с утра вновь приступить к исполнению своих обязанностей. Так подошло к концу событие, названное симферопольцами «городским пикником с губернатором», которое крайне негативно сказалось на деятельности органов политической полиции, создав неразбериху и нарушив нормальный порядок дел⁴.

Осада союзниками Севастополя привела к тому, что местная жандармская команда, по причине отсутствия заданий и из-за трудностей доставки фуража для строевых лошадей, 3 декабря 1854 г. была переведена подальше от мест боевых столкновений – в Симферополь для усиления губернской команды⁵. Кроме того, введение в губернии военного положения возложило на чинов политической полиции новые обязанности. На пост военного коменданта Симферополя был назначен губернский жандармский штаб-офицер полковник Александр Щербачев, с этого момента ставший совмещать две должности. Одним из первых его действий на новом посту стало внесение предложения о выделении для раненых зала Дома дворянского собрания⁶. В конце октября вновь возник недостаток в помещениях, поэтому полковник распорядился об отводе для раненых одного из зданий городских жандармских казарм⁷. В декабре 1854 г. глава политической полиции губернии также возглавил особый временный комитет подводной повинности, который занимался распределением транспорта для перевозки больных и других потребностей военного времени⁸.

Занимая все эти должности, А. Щербачев в то же время ни на минуту не терял контроля над своими прямыми подчиненными. Еще с сентября по его распоряжению на полуострове был вдвойне усилен надзор над всеми иностранцами. Все подозреваемые в сотрудничестве с противником подлежали аресту, дознанию и высылке за пределы Таврической губернии. Примером может служить арест жандармами 13 декабря 1854 г. английского дворянина Томаса Уптона, проживавшего в Симферополе и обвинявшегося в тайной переписке с неприятелем. В его доме был произведен тщательный обыск, в ходе которого были изъяты и переданы на детальное рассмотрение все бумаги, документы и письма. Сам англичанин был выслан под жандармским конвоем на жительство в Екатеринослав (ныне Днепрпетровск), где был передан под строгий надзор местной полиции⁹.

Вторым аспектом деятельности политической полиции стало выявление среди местного населения вражеских лазутчиков, провокаторов и лиц, сотрудничавших с войсками союзников¹⁰. Вскоре появились и первые задержанные, такие как Сеит-Асан Челеби, обвинявшийся в пособничестве врагу при его высадке в Ялте. Будучи задержан штабс-капитаном Н.Е. Беловодским, Челеби после дознания был заключен в секретную камору тюремного замка в Симферополе¹¹. Другим примером может служить арест жандармами Алуштинского городского головы Али-Ага Абдураманчикова, подозреваемого в сношениях с неприятелем, и отправленного под надзор полиции в Перекопский уезд в имение всё того же штабс-капитана Беловодского¹². Всего за время Крымской войны жандармами и казаками было задержано значительное число местных жителей, служивших неприятелю в качестве разведчиков и проводников, а также тех, кто промышлял разбоем и мародерством. Часть пойманных (около 100 человек) была выслана в Курск, другие содержались в Екатеринославском тюремном замке (49 человек – за ограбление церквей, имений и мятежи, и



Высадка войск союзников в Крыму. Сентябрь 1854 г.

¹ ГАРК. Ф. 26. Оп. 4. Д. 1393. Л. 85.

² Там же. Л. 87.

³ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 293.

⁴ Там же. С. 294–296.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 2. Д. 1684. Л. 1, 3.

⁶ Маркевич А.И. Таврическая губерния во время Крымской войны // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1905. № 37. С. 39.

⁷ Там же. С. 43.

⁸ Там же. С. 116.

⁹ ГАРК. Ф. 26. Оп. 4. Д. 1452. Л. 6, 8.

¹⁰ ГАРК. Ф. 26. Оп. 4. Д. 1482. Л. 194.

¹¹ Там же. Д. 1449. Л. 89, 90.

¹² Там же. Д. 1472. Л. 41.



Граф Николай Владимирович Адлерберг (1819–1892), генерал-адъютант (1857), генерал от инфантерии (1870), губернатор Таврической губернии (1854–1856)

29 человек – без объяснения причин высылки)¹.

Некоторые изменения в деятельности политической полиции Таврической губернии произошли после того, как в ноябре 1854 г. Владимира Пестеля на посту губернатора сменил граф Николай Владимирович Адлерберг, добившийся от князя Меншикова передачи в его непосредственное распоряжение Симферопольской и Севастопольской жандармских команд для выполнения особых заданий и поручений². В Симферополе Адлерберг распорядился назначить жандармского унтер-офицера, как более благонадежного, смотрителем при губернаторском доме, с выделением ему особой квартиры³. Другого жандарма губернатор назначил к городскому фонтану для наблюдения за порядком и для обеспечения госпитальным водовозам возможности получать воду без очереди⁴. Кроме этого, с начала 1855 г. чины политической полиции вместе с казаками и солдатами Крымско-Татарского эскадрона стали командироваться на пути для предотвращения «самовольных потрав полей, различных насилиев и разбоев»⁵.

В каждую часть Симферополя регулярно для обходов наряжалось по 5 жандармов, которые вместе с воинскими чинами и полицией обязаны были поддерживать в городе порядок и спокойствие. По свидетельству очевидцев, в центре губернии в то время разгуливало много людей разного звания, которые производили бесчинства, воровство, тем самым нарушая спокойствие жителей. Воинские чины в пьяном виде нередко нападали на обходы, что приводило к кровопролитным стычкам⁶. Подобное происшествие, в котором довелось принять участие жандармам, произошло ночью 10 июля 1855 г., когда симферопольский полицмейстер, находившийся в ночном

дозоре с 10 солдатами и 4 жандармами, попытался успокоить группу из 40 пьяных солдат и офицеров, собравшихся у одного из публичных домов и устроивших драку. Попытка эта провалилась, так как офицеры, оказав сопротивление, сильно избили дозорных и отобрали у жандармов сабли, после чего разъехались. На следующий день губернатор распорядился немедленно найти и арестовать виновных. В скором времени все зачинщики ночных беспорядков были задержаны и посажены на пикет лагерного караула⁷.

Отдельного упоминания заслуживает борьба сотрудников политической полиции с дезертирством. Согласно секретному предписанию графа Адлерберга, полковник Щербачев распорядился, чтобы чины подведомственных ему команд разыскивали скрывающихся дезертиров и представляли их в комендантское управление. Распоряжение это стало ответом на участившиеся слухи о якобы действовавших в окрестностях Симферополя 300 беглых солдатах, которые, разделившись на шайки, занимались воровством и грабежами. Данные слухи не нашли фактических подтверждений, но чинам политической полиции всё же удавалось задерживать отдельных дезертиров⁸. Активности «голубых мундиров» в этом деле способствовало и то, что за каждого пойманного беглеца они получали денежное вознаграждение. Так, рядовой Симферопольской жандармской команды Поликарп Мартыненко получил в награду 3 рубля серебром за поимку дезертира Люблинского пехотного полка рядового Архипа Соколова⁹.

Таврические жандармы использовались и в качестве срочных курьеров для доставки особо важных секретных приказов и донесений¹⁰. Другие назначались для отправки в войска пакетов с различной информацией. При подобных командировках им выделялся эскорт из нескольких казаков. В то же время, жандармы и сами выступали в качестве сопровождающих высоких военных чинов и их экипажей¹¹. Надо отметить, что эта служба имела довольно опасный характер. Свидетельством этому может быть рапорт главы V жандармского округа генерал-майора Николая Петровича Черкесова начальнику штаба Корпуса жандармов генерал-лейтенанту Леонтию Васильевичу Дубельту от 5 сентября 1855 г., в котором он сообщал о возвращении из плена рядового Севастопольской жандармской команды Кохана, который «ранее был захвачен противником вместе с экипажем князя Меншикова»¹².

Таким образом, на всем протяжении военных действий деятельность чинов политической полиции Таврической губернии была не только исключительно напряженной, но и довольно опасной. Кроме всего прочего, существенные трудности им создавали проблемы снабжения. Из-за неразберихи и ошибок в 1855 г. Симферопольская жандармская команда не получила достаточного количества овса для прокорма лошадей, который был закуплен еще за год до этого¹³. Трудности создавала и задержка квартирного довольствия. По подсчетам штабс-капитана Беловодского, к 1856 г. такая задолженность со стороны квартирной комиссии составляла 633 рубля 49 копеек серебром. То есть почти на всем протяжении войны жандармские офицеры Таврической губернии оплачивали проживание и съем помещения для канцелярии управления из своего жалованья, что прямо противоречило указам Правительствующего Сената¹⁴.

События на крымском театре боевых действий, со временем клонившиеся явно не в пользу России, не могли не отразиться на работе местных органов и ведомств. Предпринятая союзниками в мае 1855 г. морская экспедиция в Восточный Крым и Азовское море привела к срочным организационным перестановкам в Керчь-Еникальском градоначальстве.

¹ Маркевич А.И. Указ. соч. С. 30.

² ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 20302. Л. 2.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 20990. Л. 3.

⁵ Маркевич А.И. Указ. соч. С. 138.

⁶ Там же. С. 205–206.

⁷ ГАРК. Ф. 26. Оп. 4. Д. 1473. Л. 21–22.

⁸ Там же. Д. 1551. Л. 4–9.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 21304. Л. 1.

¹⁰ Там же. Д. 20302. Л. 2.

¹¹ Первых (Васильева) Д.К. Военный Крым. Корреспонденции Н.В. Берга // Историческое наследие Крыма. 2005. № 11. С. 54.

¹² Сидорова М.В. «В городе, благодаря Бога, все тихо и благополучно». «Записки для сведения» Л.В. Дубельта. 1855 г. // Исторический архив. 2005. Вып. 5. С. 154.

¹³ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 20242. Л. 1.

¹⁴ Там же. Д. 20440. Л. 5–10.

Находившаяся в городе портовая жандармская команда под командованием капитана Карла Густавовича Лиленфельда вместе с частью карантинной пограничной стражи и командой азовских казаков поступила под прямое управление Керчь-Еникальского градоначальника подполковника Платона Александровича Антоновича. Этот отряд общей численностью около 300 человек не мог участвовать в обороне города наравне с основными войсками генерала барона Карла Карловича Врангеля, а потому предназначался главным образом для сохранения спокойствия среди населения¹. Когда стало очевидно, что Керчь удержать не удастся, отряд Антоновича получил приказ до окончательного выступления войск из города обеспечивать надлежащий порядок². После этого конные жандармы вместе с чинами общей полиции до последнего момента оставались в городе, участвуя в эвакуации его жителей. Только к семи часам вечера, когда противник находился в непосредственной близости, чины политической полиции вместе с градоначальником покинули Керчь в направлении селения Аргин (ныне Романово), после чего были направлены на расквартирование в Симферополь³.

Чины Севастопольской жандармской команды под руководством штабс-капитана Ильи Сизова, которые также дислоцировались в центре губернии, регулярно командировались в осажденный город⁴. Непосредственной их задачей там было поддержание порядка и исполнение различных поручений⁵. Когда верховным командованием было принято решение об оставлении Южной стороны Севастополя, жандармские чины обеспечивали порядок движения войск по специально построенному мосту. Как писал в своих воспоминаниях подпоручик Тобольского пехотного полка Евгений Романович Корженевский, «стоявшие на всем протяжении моста жандармы обязаны были наблюдать, чтобы отступающие войска следовали непременно через мост, в должном порядке»⁶.

После подписания 18 марта 1856 г. шефом Корпуса жандармов графом А.Ф. Орловым мирного договора в Париже по решению властей Таврической губернии именно офицеры жандармерии должны были принять передачу России ранее занятых противником Евпатории и Южной стороны Севастополя. Для введения полицейского надзора и устройства в Евпаторию был отправлен штабс-капитан Николай Евстафьевич Беловодский, назначенный вместе с тем временным городничим. С ним была отправлена сотня казаков и Севастопольская жандармская команда. В самом городе на тот момент оставался французский стрелковый батальон, одна батарея и рота морской пехоты, возглавляемые комендантом де Ферюсаком. 16 мая Беловодский, предварительно оставив казаков и жандармов у городской заставы, въехал в Евпаторию. 18 мая в 11.30 он вместе с Ферюсаком подписал при свидетелях акт о передаче города. К 12 часам французские войска были торжественно построены напротив Николаевской церкви. Ферюсак представил Беловодскому своих солдат, при этом поздравив трёх офицеров кавалерами ордена Почетного легиона. Затем французы, спустив свой флаг, на двух пароходах покинули Евпаторию. Сразу после этого Беловодский приказал поднять русский флаг, который был сигналом к вступлению в город жандармской команды и сотни казаков. Штабс-капитан приказал учредить караулы и разъезды, а сам приступил к выполнению возложенных на него обязанностей городничего⁷. Обо всем этом Николай Беловодский сообщил в докладной записке на имя таврического губернатора Григория Васильевича Жуковского, которая на следующий день была опубликована в газете «Таврические губернские ведомости»⁸.

Для приема и введения русского управления во французском лагере в Камышовой бухте и на Гераклеяском полуострове был назначен полковник Александр Петрович Щербачев, который в связи с этим передал полномочия губернского жандармского штаб-офицера своему адъютанту – капитану Константину Карловичу Баумгартену. Полковнику было приказано 22 июня явиться к начальнику штаба французской армии генералу Мортанпре для соглашения подробностей исполнения сдачи. Затем он отправился к главнокомандующему английской армией генералу Уильяму Джону Кодрингтону осведомиться о времени окончательного отплытия англичан и передаче занимаемых ими мест. 23 июня жандармский офицер подписал акт о сдаче и принятии Севастополя. В 7 часов утра все французские войска погрузились на суда, а в 15 часов пополудни их эскадра покинула Камышовую бухту. Российского флага в Севастополе полковник Щербачев найти не смог, а потому «торжественности от произошедшего события не было никакой»⁹.

В опустевшем французском лагере, который перешел под управление жандармского полковника, осталось 152 семейства торговцев и разный люд – французы, греки, итальянцы, турки, персы и армяне, большая часть которых не имела паспортов, средств для жизни, «предавалась воровству, грабежу и убийствам». Для надзора за ними были установлены усиленные патрули¹⁰. 16 июля, после того как оставшееся после французов лагерное имущество было



Мост с Южной стороны Севастополя на Северную. Из «Севастопольского альбома Н. Берга». 1858 г.

¹ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 168.

² Описание обороны г. Севастополя / под ред. Э.И. Тотлебена: в 2 т. Т. 2: 1863. Отдел 1. СПб.: Тип. Н. Тиблена и Комп., 1868. С. 256–258.

³ ГАРК. Ф. 26. Оп. 4. Д. 1542. Л. 7.

⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1684. Л. 10.

⁵ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 22335. Л. 1.

⁶ Корженевский Е.Р. Воспоминания о Севастополе // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами: в 3 т. Т. 3.: 1872. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1872. С. 94.

⁷ Маркевич А.И. Указ. соч. С. 223.

⁸ Копия с докладной записки № 8 от 18 мая 1856 г. на имя и. д. Военного губернатора г. Симферополя и Таврического гражданского губернатора и. д. Евпаторийского городничего штабс-капитана Беловодского о принятии им города Евпатории // Таврические губернские ведомости. 1856. 19 мая. Отдел II.

⁹ Маркевич А.И. Указ. соч. С. 224.

¹⁰ Там же. С. 225.

распродано с аукциона, Щербачев при поддержке сотни казаков и сотни чинов греческого Балаклавского батальона приступил к отправке из лагеря всех иностранцев¹. По всему полуострову подобные действия предпринимали чины жандармских команд, разыскивавшие оставшихся бродячих иностранцев, и под угрозой ареста выславшие их за границу через порты Евпатории и Феодосии². После этого жизнь в Крыму и Северной Таврии стала постепенно возвращаться в прежнее колею, а чины Корпуса жандармов перешли к исполнению своих прямых обязанностей, уже не связанных с особенностями военного времени.

Таким образом, Крымская война стала для органов политической полиции Таврической губернии первым серьезным испытанием, разделившим период их становления со временем дальнейшего развития. Вторжение войск иностранной коалиции на полуостров возложило на сотрудников имперских спецслужб новые обязанности и требования, заключавшиеся не только в привычном для них надзоре за местным населением и охране порядка, но и в сопровождении высоких военных чинов, доставлении пакетов с секретной информацией, поимке дезертиров и лиц, сотрудничавших с неприятелем, ведении переговоров о передаче занятых противником городов и т.д. Со всем вышеперечисленным чинам Корпуса жандармов удавалось достаточно успешно справляться, несмотря на жесткие условия, вызванные тяготами военного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 2. Д. 1684. Л. 1, 3, 10.
2. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 10801. Л. 2; Д. 14276. Л. 1; Д. 15168. Л. 1; Д. 15420. Л. 2; Д. 20242. Л. 1; Д. 20302. Л. 1–2; Д. 20440. Л. 5–10; Д. 20990. Л. 3; Д. 21304. Л. 1; Д. 21740. Л. 3; Д. 22335. Л. 1; Оп. 4. Д. 1382. Л. 1; Д. 1393. Л. 1, 85, 87; Д. 1449. Л. 89–90; Д. 1452. Л. 6, 8; Оп. 4. Д. 1472. Л. 41; Д. 1473. Л. 21–22; Д. 1482. Л. 194; Д. 1542. Л. 7; Д. 1551. Л. 4–9.
3. Анисимов Н.Н. Охранные отделения и местные власти России в начале XX в. // Советское государство и право. 1991. № 5. С. 119–125.
4. Военно-статистическое обозрение Российской империи: В 18 т. Т. 11: 1837. Ч. 2: Таврическая губерния / Сост. Н.Б. Герсегонов. СПб.: Тип. Департамента Генерального Штаба, 1849. 307 с.
5. Вязьмитинов М.Н. Жандармы и армия: политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905–1907 гг. // Военно-исторический журнал. 1995. № 1. С. 89–93.
6. Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя: В 3 т. Т. 1.: 1900. СПб.: Тип. тов-ва Общественная польза, 1900. 454 с.
7. Жухрай В.М. Тайны царской охраны: авантюристы и провокаторы. М.: Политиздат, 1991. 336 с.
8. Копия с докладной записки № 8 от 18 мая 1856 г. на имя и. д. Военного губернатора г. Симферополя и Таврического гражданского губернатора и. д. Евпаторийского городничего штабс-капитана Беловодского о принятии им города Евпатории // Таврические губернские ведомости. 1856. 19 мая. Отдел II.
9. Корженевский Е.Р. Воспоминания о Севастополе // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами: В 3 т. Т. 3.: 1872. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1872. С. 3–103.
10. Королёв В.И. Действовать энергично и по закону. История политической полиции Крыма. Симферополь: АнтикВА, 2007. 196 с.
11. Королёв В.И. Жандармы Крыма. Кто они? // Историческое наследие Крыма. 2007. № 17. С. 56–61.
12. Крестьянников В.В. Органы политического сыска в Севастополе в конце XIX – нач. XX века // Историческое наследие Крыма. 2008. № 21. С. 85–89.
13. Маркевич А.И. Таврическая губерния во время Крымской войны // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1905. № 37. С. 1–260.
14. Мулукаев Р.С. Политическая полиция дореволюционной России, ее реакционный, антинародный характер. М.: Наука, 1986. 327 с.
15. Описание обороны г. Севастополя / Под ред. Э.И. Тотлебена: В 2 т. Т. 2: 1863. Отдел 1. СПб. Тип. Н. Тиблена и Комп., 1868. 427 с.
16. Непомнящий А.А., Севастьянов А.В. Южный фасад империи. Крым во второй половине XIX – начале XX века // История Крыма / Е.Е. Бойцова, А.В. Ганин, А.А. Непомнящий и др. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. С. 248–283.
17. Первых (Васильева) Д.К. Военный Крым. Корреспонденции Н.В. Берга // Историческое наследие Крыма. 2005. № 11. С. 33–72.
18. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2000. 416 с.
19. Сидорова М.В., Щербачева Е.И. «В городе, благодаря Бога, все тихо и благополучно». «Записки для сведения» Л.В. Дубельта. 1855 г. // Исторический архив. 2005. Вып. 5. С. 151–173.
20. Щеголев П.Е. Охранники, агенты, палачи. М.: Просвет, 1992. 330 с.
21. Ярмыш А.Н. Наблюдать неотступно: административно-полицейский аппарат царизма и органы политического сыска в Украине в конце XIX – начале XX вв. К.: Юринформ, 1992. 186 с.
22. Grosul V.I. "Russian Society and the Crimean War." *Russian Studies in History* 51.1 (2012): 35–64.
23. Kozelsky M. "Casualties of Conflict: Crimean Tatars during the Crimean War." *Slavic Review* 67.4 (2008): 866–891.
24. Royle T. *Crimea: The Great Crimean War, 1854–1856*. New York: Palgrave Macmillan, 2014.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Пасечников, И. А. Деятельность органов политической полиции Таврической губернии в годы Крымской (Восточной) войны (1853–1856) / И.А. Пасечников // Пространство и Время. — 2015. — № 1—2(19–20). — С. 267—272. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_r_st1_2-19_20.2015.83.

¹ Там же. С. 228.

² ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 21740. Л. 3.